

«ЛЕНИНЦЫ»
г. Уфа

8 АПР 1988

СРЕДИ многочисленных высказываний Станиславского о режиссерах и режиссуре есть и такое: «...для органического вращения роли нужен не меньший, а в иных случаях значительно больший срок, чем для создания и вращения живого человека. В этом периоде режиссер участвует в творчестве в роли повивальной бабки или акушера».

Молодой режиссер Республиканского русского драматического театра уфимец Валерий Баронов, о творчестве которого эти заметки, нелегкий крест упомянутой «бабки» с достоинством несет уже три года, и этот трехлетний путь отмечен неустанными поисками, любопытными находками, отмечен стремлением глубже понять театр, найти в нем те струны, которых доселе еще не касались руки режиссеров.

У любого режиссера, починающего творчество, а не ремесло, есть своя излюбленная «печка», от которой, ставя спектакли, он предпочитает танцевать. Мне кажется, на «печке» Баронова начертана фраза: «И жить торопимся, и чувствовать спешим». Нужно ли доказывать верность этих слов для нашей жизни? Очевидное не нуждается в доказательствах. По поводу очевидностей можно лишь размышлять и рассуждать.

Однажды, разговаривая с Валерием после поставленного им спектакля, я коснулась этой темы, коснулась, зная, что молчать о насущном не в его привычке. Торопимся... Спешим... Как созвучны эти глаголы с нашими днями! Да, то-

ропимся, ибо острее поняли, сколь дорого то, что называется временем. Да, спешим, потому что хотим успеть сделать как можно больше и как можно больше. Все ускоряющийся ритм бытия подхватывает каждого, и от него не может отмахнуться никто и ничто. В том числе и театр. Это выражается даже во внешних деталях жизни театра. Когда-то, во времена античности, зрители высидивали в театре с утра и до заката солнца. Еще не так давно норма времени для сценического действия равнялась трем с половиной—четырем часам. Сейчас драматическое представление на сцене длится обычно два часа. Меняются времена, меняются пьесы и спектакли.

Ставя спектакли «Традиционный сбор» В. Розова, «Дом Бернарды Альбы» Г. Лорки, «Сверчок» Т. Кожушника, мне кажется, режиссер Баронов всегда имел в виду, что минута на сцене сегодня должна по своей насыщенности намного превосходить те же отрезки времени из спектаклей даже 15-летней давности. Разумеется, если можно так выразиться, «закон насыщенности сценического времени» открыт не Бароновым, его он постигал в годы учебы в Ташкентском театральном-художественном институте, во время практики в московском «Современнике», постигал в процессе самой жизни.

Но какая же «субстанция» должна в таком случае преимущественно насыщать сценическое время? Анализируя спектакли, поставленные Бароновым, приходишь к вы-

воду, что этой «субстанцией» для молодого режиссера является всепроникающая человеческая мысль. Мысль заинтересованная, взволнованная, лишенная сухой рассудочности. Минута, насыщенная глубокой мыслью, преподнесенной со сцены в соответствующей фор-

количеством серого вещества, называемого мозгом, равным объемом мышц, идентичным устройством нервной системы и прочих биологических атрибутов, один вырастает в великую личность, а другой — в мелкого человека? Почему?».

Он задает этот вопрос вме-

ПОЗНАНИЕ НАЧИНАЕТСЯ С ВОПРОСА

Заметки о молодом режиссере

ме, стоит порой многих часов, сдобренных помпезностью, псевдомногозначительными паузами, на нагромождение которых еще не скупаются отдельные режиссеры.

Стремление молодого режиссера к тому, что можно назвать философизмом, отчетливо чувствуется в его работе «Традиционный сбор». Это спектакль-суд, спектакль-исследование. Баронов задает зрителю вопрос: «Почему нередко из двух одинаковых людей, наделенных равным

количеством серого вещества, называемого мозгом, равным объемом мышц, идентичным устройством нервной системы и прочих биологических атрибутов, один вырастает в великую личность, а другой — в мелкого человека? Почему?».

Валерий рассказывает, что не хотел в этом спектакле навязывать зрителю свои ответы, давать рецепты. Зритель сам должен думать. И не случайно режиссер поместил перед сценой в зрительном зале

копию скульптуры Родена «Мыслитель».

Конечно, лукавый театрал может сказать: «Ставить перед зрителем глубокие вопросы, разумеется, великолепно. Но представьте такую ситуацию— все люди ставят вопросы и... этим ограничиваются. Что из этого может получиться?» Он, лукавый театрал, не лишен пронизательности. Но Баронов приводит свой довод: с вопроса начинается познание. Вопрос — предтеча ответа.

В чем первооснова зла? Этот вопрос ставит молодой режиссер в спектакле «Дом Бернарды Альбы». По мере развития сюжета основная, глубинная мысль постановки вырисовывается все определеннее, пока не обретает законченность формулы: зло порождается страхом. Наверное, приведенная формула была сама по себе заложена в недра пьесы Лорки, но это не умаляет заслуг режиссера. Ведь верно прочесть пьесу, понять ее, а затем попытаться показать на сцене — задача далеко не простые.

Конечно, о связях таких вещей, как «зло» и «страх», можно рассуждать немало. Мне же хочется привести лишь одну мысль Баронова, иллюстрирующую эту связь. Он сказал, что в некотором отношении порожден страхом фашизм. Если бы в известные времена люди, наблюдавшие появление фашизма, нашли в себе мужество своевременно сказать «нет» этому явлению, они спасли бы мир от многих несчастий.

Но не только трусость порождает зло. Появлению зла способствуют и равнодуш-

ные люди, чересчур занятые собою, своими интересами, не желающие выпалывать сорняки зла, пробивающиеся через трещины, которые порой дает жизнь. Таких людей мы зовем мещанами, а систему их взглядов мещанством.

В спектакле по пьесе «Сверчок» молодой режиссер сделал попытку в своеобразной форме препарировать это явление. Задача Валерия осложнялась тем, что попавший в его руки драматургический материал не отличался особыми достоинствами. Типичный водевиль, не более. Не знаю, в результате скольких бессонных ночей режиссер пришел к идее трансформировать этот водевиль в водевиль-пародию. Возможно, что бессонных ночей не было вообще. Но факт остается фактом. Довольно пустой драматургический материал, «материализованный» на сцене, приобрел достаточную законченность, а главное — «в кувшине спектакля заплескалась мысль».

Двадцатилетний мещанин в нейлоновой обложке и с суперсовременными взглядами, его духовные тайники и раскрыты режиссером в упомянутом спектакле.

В эти дни Валерий начинает работу над постановкой спектакля по пьесе московского драматурга Чепуринца «Мое сердце всегда со мной».

Молодой режиссер ищет, ищет по-настоящему. Его поиски приносят первые плоды. Первые, но далеко не последние. Иное не представляется: он жить торопится и чувствовать спешит.

М. ХАБИБУЛЛИН.